

ФИЛОЛОГИЯ

(специальность: 10.02.19)

УДК 81

Л.А. Брусенская

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

brusenskaya_l@mail.ru

А.Р. Котаева

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова

г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

alena-kotaeva@mail.ru

И.В. Беляева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

irinabelyaeva23234@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ И РАЗНОУРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО МАНИФЕСТАЦИИ¹

[*Lyudmila A. Brusenskaya, Alina R. Kotaeva, Irina V. Belyaeva*

Communicative conflict and multi-level means of its manifestation]

Conflict communication has been recently on the periphery of research attention, now it is becoming a "fashionable" object of study in humanities, since the level of conflict in society is very high, and the anthropological sciences seek to bring definite benefits to society. The analysis of the communicative conflict is considered to be extremely important for the identification of "destructive", "contact-destroying" units. The article describes the multilevel conflict-causing units such as grammatical forms of gender and number, lexical and grammatical categories (onyms), notional and auxiliary words, which become destructive only in certain conditions of communication. The adequate use of such units is often difficult. However, knowledge of them can increase the communicative perspicacity of speakers and promote responsibility education for their speech behaviour.

Key words: communication, conflict, linguoconflictology, conflictogenic language unit, language level, pragmatics, pragmatic meaning of the word form, pejorativeness.

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002

Конфликтное функционирование языка совсем недавно стало предметом филологических штудий (традиционно филологию интересовали в первую очередь образцовые примеры гармоничной коммуникации), но уже стало очевидно: это чрезвычайно важное направление, поскольку оно позволит установить факторы коммуникативных конфликтов и предложить рекомендации по их нейтрализации. Сформировалось и активно развивается (как ответвление юридической лингвистики) особое направление междисциплинарной науки – лингвоконфликтология. Сегодня анализ вербальных конфликтов ведется на широкой междисциплинарной основе, с привлечением идей социологии, социолингвистики, лингвопрагматики и юридической лингвистики. Коммуникативный конфликт имеет место тогда, когда осознанное коммуникативное поведение одной из сторон вступает в противоречие с интересами, представлениями о должном, правильном другой стороны. Это противоречие возникает в связи с использованием языковых единиц, которые тем или иным образом передают пейоративную оценку. Одной из задач современной лингвоконфликтологии является формирование конфликтотенной компетентности – профессиональной осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтной коммуникации и, в частности – о тех разноуровневых языковых единицах, которые могут быть охарактеризованы как конфликтотенны.

Для исследования возможностей различных языковых элементов становится источником коммуникативного конфликта целесообразно применение метода семантической и модальной экспликации речевого акта и метода глубинной интроспекции, апеллирующего к интуиции и «внутреннему опыту» носителей языка; необходима также когнитивно-прагматическая интерпретация языкового материала.

1. Лингвистическая природа коммуникативного конфликта и современная лингвоконфликтология

Современная междисциплинарная наука нацелена на решение социальных проблем, одна из которых – конфликтная коммуникация. Уровень конфликтности в мире вообще и в нашей стране в частности чрезвычайно высок, следовательно, есть потребность в постижении этого феномена (недаром специалистов-конфликтологов в последние десятилетия готовят в вузах на государственной основе). Коммуникативный конфликт – понятие чрез-

вычайно широкое и диффузное: фактически имеется в виду любое противоборство при наличии противоположных векторов сил, которые получили словесное воплощение. Поскольку лингвоконфликтология как дисциплина, изучающая коммуникативные конфликты, находится в стадии формирования, не приходится говорить об упорядоченности терминологии. В сходном значении используются такие наименования, как коммуникативный конфликт, коммуникативная неудача, коммуникативный сбой, коммуникативный провал и т.д. О конфликте говорят преимущественно в тех случаях, когда языковое явление становится объектом правоприменения (например, в случае мемориативных топонимов).

Цель современной лингвоконфликтологии – предложить эффективные механизмы управления коммуникативными конфликтами. Именно специалисты в этой сфере должны оценивать масштаб деструктивных последствий тех или иных наименований, устранять или предотвращать причины конфликтов, давать рекомендации по коррекции поведения участников конфликта и т.д. Конечно, конфликт, помимо деструктивной роли, выполняет также диагностическую и – отчасти – конструктивную функции, которая связана с преодолением коммуникативных кризисов и выработкой позитивных норм общения. Конфликт сам может выступать в качестве ресурса позитивной коммуникации, поскольку позволяет оценить разные точки зрения, скорректировать позиции; он предотвращает застой и рутину, он способен диагностировать противоречия в коммуникативных стратегиях и стилях общения. Для постижения сущности конфликтной коммуникации необходим тщательный, скрупулезный анализ ее вербальных компонентов. Если перлокутивный эффект той или иной номинации (морфемы, лексемы, грамматической формы, синтагмы) стабильно состоит в создании конфликтной ситуации, эту номинацию следует считать конфликтогенной.

Конфликтогенными могут оказываться значимые единицы всех уровней – от морфемы до высказывания; их обнаружение, исчисление, описание и объяснение природы присущей им конфликтогенности – это задача актуальная и новая для междисциплинарной науки. Вне зависимости от знаковой природы конфликтогена, существенную роль играют когнитивные механизмы интерпретации сообщения. Даже этикетные формы, например, этикетное «извините» может содержать прагматику осуждения, ср. фрагмент из книги И.В. Ле-

вонтиной «О чем речь»: «Вот нам пишет некто Юрий Рябинин в газете, извините, «Завтра» (статья так и называется: “Не по-любому, а по-русски!”): «Довольно многие стали употреблять выражение “по-любому” вместо “в любом случае”, “во всяком случае”, “неприменно”. Диктор говорит: “Зениту” еще один гол нужен по-любому”. Девушка с голым животом кричит подруге: “По-любому завтра встретимся!” – вот он, настоящий, победно шествующий по нашей необъятной одной шестой американо-оффенский диалект бывшего русского!» Как известно, в диффузная семантика «квазиизвинения» отражает представления адресанта об объектах, упомянутых в высказывании, то есть фактически имеет ввиду пресуппозиции, связанные с отрицательным отношением к газете «Завтра». «В сфере извинения всегда имеет место ущерб (реальный или так квалифицируемый извиняющимся), нанесенный словом» [12, с. 213]. Однако газета «Завтра» никак не заслуживает уничижительной оценки (которая содержится в этом «извините»: автор извиняется, что цитирует эту газету), никакого «ущерба» от упоминания этой газеты реципиенты не несут. Как бы ни относиться к политическим убеждениям главного редактора – А. Проханова, газета сильна аналитикой, которую почти утратили многие медиа (типа «Аргументов и фактов»), ее никак не назовешь пустой, тем более «желтой» (даже цитируемый И. Левонтиной материал в известной мере подтверждает это).

Естественно, прагматическое сознание языковой единицы формируется в контексте (иногда – только в широком контексте ситуации), однако есть и фондовые прагмемы, то есть единицы с более или менее постоянными прагматическими компонентами. Итак, можно говорить о существовании значимых единиц на всех уровнях, которые несут потенциал оскорбительности. Как известно, под оскорблением понимается «травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека» [7]. В русском языке есть труднопереводимое на другие языки слово «обида». Как пишет И. Левонтина, при оскорблении задета честь, а обида возникает, если задето чувство. Различаются издевательство, насмешка, глумление: «издеваться или насмехаться над человеком можно, используя любой повод <...> глумятся над тем, что человеку важно и дорого, что он бережно хранит в своей душе...» [7]. Но в любом случае носителем конфликтогенности оказываются языковые (речевые) единицы разной степени сложности и протяженности.

2. Разноуровневые конфликтогены в лингвопрагматическом освещении

Как известно, минимальная значимая единица в языке – это морфема, и можно указать морфемы, несущие потенциал оскорбительности, например, в таких словах, как понаехали, понаехавшие, сказануть, офицерье, солдатня. Аффиксы собирательных имен нередко окрашены пейоративно: *иностранщина, воронье, шакалье*, причем отчетливая прагматика суффикса *ј* позволяет идентифицировать семантическое и коннотативное содержание авторских неологизмов: *Были мы люди, а стали людье* (О. Мандельштам «Дикая кошка – армянская речь...»). Недаром существует вполне обоснованное мнение, согласно которому избыточный, на первый взгляд, класс собирательных имен остается живым и продуктивным (несмотря на возможность выразить аналогичное семантическое содержание с помощью числовых форм) только благодаря прагматическим особенностям, а именно – из-за возможности передавать оценки по параметрам важности (*крестьянство, студенчество*), большого количества (*листва*), а также мелиоративности (*офицерство*) / пейоративности (*офицерье*).

Потенциалом оскорбительности обладают имена отдельных лексико-грамматических разрядов. Таковы, прежде всего, собирательные существительные с пейоративными суффиксами *-ј, -щин*. Источником коммуникативных конфликтов могут быть некоторые разряды онимов, прежде всего – так называемые меморативные (мемориальные) топонимы, которые, в силу совокупности экстралингвистических условий, нередко оцениваются коммуникантами резко отрицательно. Хорошо известны факты императивных, насильственных топонимических переименований по идеологическим мотивам в периоды социальных «сломов», и совершенно справедливы суждения, согласно которым такие переименования свидетельствуют о политической незрелости общества (см., например, материалы международных ономастических конференций, таких как «XXVI International Congress of Onomastic Sciences», 2017, Debrecen, Hungary; the 4th International Conference on Onomastics: name and naming, 2017, Baia Mare, Romania; the 2nd Ostrava Onomastic Meeting Event, 2018, Ostrava, Czech Republic).

Коллизии при попытках изменения урбанонимов хорошо описаны, и вывод из анализа таких ситуаций, как намерение переименовать Краснодар в Екатеринодар и под., состоит в следующем: решения о переименованиях

должны приниматься не кулуарно, они не могут быть только прерогативой власти, но должны осуществляться только с привлечением широкой заинтересованной общественности, после всестороннего обсуждения. Именно несоблюдение этих условий приводит к серьезным конфликтам противостоящих сторон. Переименования улиц без серьезных оснований, конечно, неоправданно (когда Владикавказский футбольный клуб «Алания» выдвинул инициативу о переименовании в столице Северной Осетии улицы Георгия Димитрова в проспект Алана Карацева, вышедшего в полуфинал дебютного теннисного турнира «Большого шлема», даже сам Карацев выступил против; см. об этом: Литературная газета, 2021, № 8). Социальная роль топонимического означивания традиционно была чрезвычайно велика, однако опыт, когда урбанонимы максимально унифицированы, очевидно, будет распространяться. Это не только облегчит навигацию, но и избавит от многолетних бесплодных споров на тему: нужно ли сохранять названия типа Коммунистический проспект (не есть ли это идеологическое давление), достоин ли увековечивания тот или иной исторический персонаж и т.д. По сходным причинам конфликтные ситуации могут быть спровоцированы неудачными эргонимами или маркировками. Так, в январе 2021 многие медиа отреагировали на открытие в Москве закусочной под названием «*Сталин Донер с официантами-монголоидами, вероятно, символизирующими депортированные народы Азии, облаченными в форму сотрудников НКВД*» (Собеседник, 2021, № 1). Общественный резонанс был настолько велик, что заведение быстро закрылось. Ср. также: «Конституционное право «креативного номинатора» позволяет вынести на городские вывески названия типа «Ё-моё» «Ядрёна Матрёна», «Авиню», «Красавчег», «Бухни», «Уличные яйца», «Ешкин кот», «Свалка», «Бухен хаус» [1, с. 188], что, естественно, вызывает справедливые протесты.

Лексические маркеры конфликтной коммуникации хорошо описаны в лингвоконфликтологии. Это, прежде всего, антропонимы, связанные с номинацией антиобщественного поведения, социально осуждаемых занятий (*мошенник, жулик, вор* и под.); это зооморфные метафоры (*осел, свинья* и под.); пейоративы типа *негодяй, мерзавец, подлец*, наконец – прямые инвективы и обсценизмы. Инвективную функцию могут выполнять окказионализмы с прозрачной внутренней формой, ср. название статьи *Грантоеды*. Лид: *Близ-*

кие к властям деятели искусства захватили рынок президентских грантов (Собеседник, 2021, № 7). Естественно, что отрицательной экспрессией в контексте могут «напитываться» слова, для которых инвективная функция не является основной: «...у нас, ученых, отобрали все институты и отдали бухгалтерам, чиновникам. Часть людей взяли из нашего аппарата – тетенек, которые разносили бумажки. Сегодня они нами управляют и командуют. Если раньше я решал проблемы институтов с вице-президентом академиком Н.П. Лаверовым, например, то сейчас нужно звонить этим тетенькам. Ведь нельзя по каждому вопросу обращаться к министру. Вот до чего довели. И мы, академики, смирились» (интервью академика РАН Р. Нигматулина // Аргументы недели, 2020, № 50).

Поскольку грамматика (морфология) не есть только средство языковой техники и морфологические формы способны передавать не только семантическое, но и прагматическое (оценочное) содержание, они также могут быть фактором коммуникативных конфликтов. Так, острые разногласия и противоречивые оценки сопровождают использование в современной речи женских коррелятивов от наименований профессий [4]. Давно известно, что неузуальные феминитивы чаще всего применяются для выражения пейоративной оценки. Действительно, эту функцию они не утратили, ср.: «Ладно, провинциальные библиотекарши, которых зомбировали восторгами авторитетов и экспертов. Чёрт с ними, с литературными нашими критиками, они сами-то пишут хуже Яхиной, но почему никто из преданных русской литературе знатоков, для которых словесность – драгоценный родной дом, не вступился за него? “Большая книга” из года в год игнорирует действительно одарённых писателей и возвеличивает большой круглый ноль по имени Гузель Яхина. (Т. Москвина «Литература больших лимонов» // Аргументы недели, 17 декабря 2019 г.). Руководство начало разбирательство и проверки, в ходе которых необразованную заму (речь идет о заместителе директора НИИ точных приборов И. Горбачевой) выставили из компании, снабдив вместо компенсации по увольнению тремя уголовными делами (Собеседник, 2021, № 20).

Однако в последнее время наметилось отчетливое движение многих феминитивов в сторону узуальности, нормативности и стандартизации. Если совсем недавно официально-деловой язык исключал даже общепринятые феминитивы (в дипломах о высшем образовании использовалось только слово

учитель и никогда учительница), то теперь многие из них лишаются прежней коллоквиальности и тем более – пейоративности, ср.: *Вот и довелось дожить до фестивальной программы «Кинорежиссерки нашего времени»* (Завтра, 2021, № 18). Автор обзора ММКФ (Московского Международного кинофестиваля) 2021 года негодует по поводу формы «режиссерка», однако само появление этого феминитива в тексте программы фестиваля – знаковое явление. Феминитивы с разной скоростью движутся к статусу нормативных, узуальных и стилистически нейтральных, ср.: *«Федор Бондарчук, которому молодая жена-актриса, дебютировавшая в качестве сценаристки сериала “Псих”, – Паулина Андреева несколько дней назад родила сына Ваню, стал гостем журналистки Катерины Гордеевой в ее шоу “Скажи Гордеевой”»* (Экспресс-газета, 2021, № 11). Здесь журналистка – единственно возможный вариант (так же, как студентка, пианистка, певица), а на месте формы сценаристка мог быть немаркированный мужской род – сценарист.

В семантической парадигме именной категории числа наиболее коннотирующей формой является гиперболическое множественное, которое нередко передает пейоративную оценку и формирует особую риторическую фигуру – антономасию, ср.: *«...это не искусство кино, а скорее кинематический дизайн. Ну абсолютно все эти “Девятые роты”, и прочие “Жары”»* (Интервью с Т. Москвиной // Особое мнение, 18 декабря 2020 г.). Пейоративность усиливается с применением оборотов типа *всякие там, разные, все эти* и под. Ср.: *«Например, что за честь Свет и Люд никто не вступится, ни в жизни, ни в искусстве. Что они сами себя, видимо, за мусор считают, коли в восторге смотрят все эти «Чики» – если восторги не проплачены, конечно, а то есть определённые подозрения»* (Т. Москвина «В нашей заповедной роще никакой политкорректности нет?» // Аргументы недели, 21 июля 2020 г.)

Особенно велика конфликтогенность форм числа личных местоимений. Газета «Культура» (2021, № 5) воспроизвела письмо читателя, где говорится: *«...меня достала привычка «тыкать» всем без разбора. Ежедневно достаю из почтового ящика газеты и рекламные листовки, все рекламные объявления обращаются к читателю на «ты». Почему это так? Значит ли это, что все они адресованы человеку не старше тридцати? Ведь только в этом возрасте обращение на «ты» воспринимается как нормальное. А дальше как-то странно бывает слушать или читать такое: «Мы уже приготовили для тебя лучшие условия...»*

Типичное сообщение о вакансии выглядит так:

«Интересуешься digital-сферой и не представляешь свою жизнь без интернета и социальных сетей? Из простого новостного повода можешь создать целую кампанию? Можешь креативно и нестандартно рассказать о вполне обычных вещах? Хочешь работать над интересными проектами?

Если на все вопросы ты ответил «да», то ты нам уже нравишься. Приглашаем тебя в наш молодой амбициозный коллектив!»

Что случилось, почему вежливое обращение на «вы» вышло из обихода?

Приведенный пример – типичный образчик коммуникационного конфликта, где фиксируются социально-коммуникативные противоречия между субъектами коммуникации. С одной стороны, защита исконных правил вежливого, тактичного общения, с другой – новые коммуникативные тенденции, которые, в частности, проявляются в редукции вежливого «вы» (есть обоснованное мнение, что так происходит под воздействием английского языка, чье влияние распространяется не только на лексическую сферу, но и на область грамматических, речевых стратегий, интонации). Итак, конфликтогенная компетентность включает в себя знания об особенностях прагматики форм числа этикетных местоимений, феминитивов, онимов. Наконец, конфликтогенами могут оказываться даже служебные слова, лишённые номинативного содержания.

Конфликтный текст напрямую зависит от экстралингвистических факторов, сопряжен с внешней ситуацией в стране и мире. Источником конфликта в последние десятилетия стали предлоги *в* и *на* в сочетании со словом *Украина*. Предложно-падежные формы *на Украине* и *в Украине* стали выразителями идеологической нагрузки, связанной с внутренней формой самого онима, образованного от корня – *край*. То есть, внутренняя форма может быть истолкована как ‘находящаяся с краю, на обочине’. И, как сегодня представляется сторонником изменения старой нормы, вариант *на Украине* подчеркивает периферийное (и даже подчиненное) положение. Как пишет И.Б. Лобанов, что современный человек мало задумывается о том, что под словом *Украина* подразумеваются какие-то окраинные земли. Но шумиха вокруг вариантов *на Украину* / *в Украину* способствовала тому, что «унизительная» внутренняя форма названия государства вновь стала очевидной для большого количества людей [9, с. 122]. В 1993 году правительство Украины специальным указом закрепило нормативность вариантов *в Украину*, *из Украины*. Эти

единственно правильные наименования должны были подчеркнуть факт самостоятельности Украины. Однако это решение касается независимой Украины и не может автоматически распространяться на другие страны. Интересно, что варианты *в Украине / на Украине* вызывают и публичные разногласия. Джон Эдвард Керт, посол США в Узбекистане (а ранее – посол в Украине) в программе «60 минут» (канал «Россия») 3 августа 2018 г. сказал буквально следующее: «Русские люди вежливые, но говорить *на Украине* невежливо». Ведущая парировала: «Спасибо, что учите нас русскому языку из Вашингтона». То есть, проблема ощущается как очень острая, и новейшие тексты дают много примеров изменившейся нормы; ср.: ... *ни в Украине, ни в России не было ренессанса, но ведь была великая литература, полная любви к «маленькому человеку». Однажды я работал с Малаховым в Украине на одном канале* (О. Кушанашвили «Не один»).

Как известно, то, что предлог «в» сочетается с одними словами, а предлог «на» – с другими, объясняется исключительно традицией: «на почте», «на отдыхе», но «*в университете*», «*в школе*», «*в кино*». По команде сверху литературная норма не меняется из-за каких-либо политических интересов, но в этом случае, чтобы подчеркнуть уважение к самостоятельности, независимости, стал использоваться вариант с предлогом «в». Действительно, в русском языке предлог «в» используется в сочетаниях с названиями государств, и теперь наше посольство на Украине, в полном соответствии с требованиями политкорректности, официально называется «Посольство Российской Федерации в Украине». Но надо понимать, что коммуникант, выбравший вариант на Украине, скорее всего, ориентируется на грамматическую традицию и не помышляет сомневаться в суверенности Украины. Ср.: «*Про замену «на» на «в» касательно Украины я уже молчу. То, что являлось обычным разнообразием языкового порядка, усилиями сумасшедших националистов превратилось в страшное лингвистическое преступление, наказание за которое внедряется и у нас*» (М. Артемьев «Великий и немощный» // Московский комсомолец, 16 декабря 2020 г.).

Таким образом, «обидный» потенциал в определенных условиях могут приобретать даже предлоги, так что и единицы непарадигматической грамматики оказываются факторами конфликтной коммуникации. Итак, сферы научного изучения структур языка в настоящее время существенно расширились, и

традиционные единицы – морфемы, лексемы, морфологические формы и даже элементы непарадигматической грамматики исследуются не только в структурно-семантической, но и в прагматической парадигме. Особое внимание привлекают те единицы, прагматическое содержание которых предопределяет их конфликтогенный потенциал. Такой специфический феномен, как коммуникативный конфликт, может иметь своим источником различные языковые единицы: словоформу, отражающую тайные и явные противоречивые трактовки, урбаноним, подвергшийся ревизии под влиянием изменившейся государственной политики, и даже локативный предлог, который стал ассоциироваться с определенными политическими взглядами, оценками и предпочтениями. Учет фактов такого рода повышает коммуникативную прозорливость и способствует воспитанию ответственности за свое речевое поведение.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Брусенская Л.А., Куликова Э.Г.* Рецензия на «Риторический манифест» Г.Г. Хазагерова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской ритор. школы. 2020. 45 с. // *Коммуникативные исследования.* 2021. Т. 8. № 1. С. 185–193.
2. *Велиев З.Б.* Меморативные топонимы как фактор лингвоюридического конфликта // *Вестник Пятигорского государственного университета.* 2019. № 3. С. 124–127.
3. *Голев Н.Д., Обелюнас Н.В.* Лингвоконфликтология // *Эффективное общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 279–280.
4. *Голомидова М.В.* Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // *Вопросы ономастики.* 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61.
5. *Гузаерова Р., Косова В.* Специфика феминитивов в современной русском медиапространстве // *Филология и культура. Philology and culture.* 2017. № 4 (50). С. 11–15.
6. *Дубовицкая М.А.* Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект // *Вестник СГСЭУ.* 2019. № 3 (77). С. 199–202.

7. *Кара-Мурза Е.С.* Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 18–27.
8. *Левонтина И.В.* Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Газета «Отечественные записки». 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/oskorblenie-i-smezhnye-ponyatiya-v-sovremennom-russkom-yazyke.html> (дата обращения 9.06.2021).
9. *Левонтина И.В.* О чем речь. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. 512 с.
10. *Лобанов И.Б.* Говорим правильно по-русски: речевой этикет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 191 с.
11. *Хроменков П.Н.* Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа // Дис. докт. филол. наук. М., 2016. 405 с.
12. *Чернышева Т.В.* Основы лингвоконфликтологии. Учебное пособие. Барнаул: Алтайский государственный университет. 2017. 190 с.
13. *Юй И.* Русский речевой этикет в свете этики ответственности // Дис. канд. филол. наук. М., 2019. 233 с.
14. *Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther king // *Social & Cultural geography*. 2013. Vol. 14. P. 211–233.
15. *Benesch S.* Words as Weapons // *World Policy Journal*, May 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldpolicy.org/journal/spring2012/words-weapons> (дата обращения 11.05.2021).
16. *Crețan R., Matthews P.W.* Popular responses to city-text changes: street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city // *Area*. 2016. Vol. 48. № 1. P. 92–102.
17. *David J.* Street names – Between Ideology and Cultural Heritage // *Acta onomastica*. 2013. Vol. 54. P. 53–60.
18. *Kecskes I.* Intercultural impoliteness // *Journal of Pragmatics*. 2015. № 86. Pp. 43–47.
19. *Neethling B.* Street names: A Changing Urban Landscape // *Oxford Handbook of names and naming* / eds. C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. P. 145–157.

20. *Tillman C.S.* Cyberspace hate speech: First Amendment freedom versus the necessity of federal regulation. Bowie State University, 2010.
21. *Webb T.J.* Verbal Poison – Criminalizing Hate Speech: A Comparative Analysis and a Proposal for the American System // *Washburn Law Journal*. 2011. Vol. 50.

R E F E R E N C E S

1. *Brusenskaya L.A., Kulikova E.G.* Review of the "Rhetorical Manifesto" by G.G. Khazagerov. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov rhetorical school 2020. 45 p. // *Communicative research*. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 185–193.
2. *Veliyev Z.B.* Memoriative toponyms as a factor of linguistic and legal conflict // *Bulletin of the Pyatigorsk Linguistic University*. 2019. No. 3. Pp. 124–127.
3. *Golev N.D., Obelyunas N.V.* *Linguoconflictology // Effective communication (the main competencies): dictionary-reference book / ed. by A.P. Skovorodnikov*. Krasnoyarsk, 2014. Pp. 279–280.
4. *Golomidova M.V.* Toponymic policy in the field of nomination of inner-city objects: theoretical and applied problems // *Onomastics questions*, 2018. Vol. 15. No.3. Pp. 36–61.
5. *Guzairova R., Kosova V.* Specificity of feminines in the modern Russian media space. *Philology and Culture*. 2017. No. 4 (50). Pp. 11–15.
6. *Dubovitskaya M.A.* Conflict as a form of intercultural communication: sociolinguistic aspect // *Bulletin of the SSUE*. 2019. No 3 (77). Pp. 199–202.
7. *Kara-Murza E.S.* *Linguoconflictology and conflicts in Russian media space (analysis of a double case)*. *Bulletin VolSU. Series 2, Linguistics*. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 18–27.
8. *Levontina I.V.* Insult and related concepts in the modern Russian language // *Newspaper "Domestic notes"*. 2014. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/oskorblenie-i-smezhnye-ponyatiya-a-v-sovremennom-russkom-yazyke.html> (accessed 9.06.2021).
9. *Levontina I.* *What is it about*. Moscow: AST Publishing House: CORPUS, 2016. 512 p.

10. *Lobanov I.B.* We speak correctly in Russian: speech etiquette. Rostov-on-Don: Phoenix, 2013. 191 p.
11. *Khromenkov P.N.* Linguopragmatics of conflict: a study by the method of quantitative content analysis // Thesis. M., 2016. 405 p.
12. *Chernysheva T.V.* Fundamentals of linguoconflictology. Textbook. Barnaul: Altay State University. 2017. 190 p.
13. *Yui I.* Russian speech etiquette in the light of the ethics of responsibility // Thesis. 2019. 233 p.
14. *Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther king // Social & Cultural geography. 2013. Vol. 14. Pp. 211–233.
15. *Benesch S.* Words as Weapons // World Policy Journal, May 2012. [Electronic resource]. URL: <http://www.worldpolicy.org/journal/spring2012/words-weapons> (accessed 11.05.2021).
16. *Crețan R., Matthews P.W.* Popular responses to city-text changes: street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city // Area. 2016. Vol. 48. № 1. Pp. 92–102.
17. *David J.* Street names – Between Ideology and Cultural Heritage // Acta onomastica. 2013. Vol. 54. Pp. 53–60.
18. *Kecskes I.* Intercultural impoliteness // Journal of Pragmatics. 2015. No. 86. Pp. 43–47.
19. *Neethling B.* Street names: A Changing Urban Landscape // the Oxford Handbook of names and naming / eds. C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. Pp. 145–157.
20. *Tillman C.S.* Cyberspace hate speech: First Amendment freedom versus the necessity of federal regulation. Bowie State University. 2010.
21. *Webb T.J.* Verbal Poison – Criminalizing Hate Speech: A Comparative Analysis and a Proposal for the American System // Washburn Law Journal. 2011. Vol. 50.

---

25 мая 2021 г.